

В результате обсуждения проекта о Геодезическом совете обнаружилось значительное расхождение мнений между министерствами и научными учреждениями. В отношении главной задачи совета особое мнение высказало Межевое ведомство. Оно предложило образовать совет при Академии наук или при географическом обществе без каких-либо распорядительных функций. Он должен был бы не объединять геодезические и съемочные работы, а заниматься устранением недостатков, обнаруживавшихся в работе различных ведомств.

Морское министерство, министерство внутренних дел и Академия наук высказались за учреждение временного комитета в виде опыта. Значительные разногласия обнаружались в вопросе о том, при каком учреждении или ведомстве должен функционировать совет. В пользу военного министерства высказались морское и само военное министерство, а за образование совета при Академии наук подали голоса министерства государственных имуществ, юстиции, просвещения и сама Академия наук. В качестве головной организации называлось и Географическое общество.

Обсуждения проекта не привели в конечном счете ни к какому положительному решению, однако это не прекратило попыток объединения геодезических работ в России. В 1898 г. была создана комиссия для выработки предложений для согласованного развития геодезических работ в России. На этот раз было предложено, чтобы центром научной постановки геодезических работ в России стала Пулковская астрономическая обсерватория. Но Военное министерство сорвало эту инициативу, предложив создать геодезическую обсерваторию при Военно-топографическом управлении. Автором этого предложения был известный военный геодезист И. А. Померанцев. В 1914 г. Академия наук создала комиссию под председательством академика-секретаря С. Ф. Ольденбурга для подготовки вопроса объединения геодезической деятельности в России. Однако война, а затем февральская и октябрьская революции приостановили работу комиссии.

После Октябрьской социалистической революции акад. С. Ф. Ольденбург обратился к В. И. Ленину с просьбой отпустить денежные средства для возобновления работы комиссии. В. И. Ленин через Управление делами Совнаркома попросил сообщить, что сделала комиссия за годы своего существования. В ответе констатировано, что комиссия никаких положительных результатов не добилась. Вот как описывал дальнейший ход событий М. Д. Бонч-Бруевич:

«В. И. Ленин распорядился: распустить комиссию и потому денежных сумм не ассигновывать. Дела комиссии поступили в Управление делами Совета Народных Комиссаров» [5, с. 325]. В рукописном тексте «Мемуаров» М. Д. Бонч-Бруевича, в частности, отмечается (с. 176—177): «Управляющий делами Совнаркома — Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (младший брат М. Д. Бонч-Бруевича. — Авт.) в свое время учился в Межевом институте и потому ясно представлял себе необходимость объединения геодезических и съемочных работ. Он передал мне дела комиссии для ознакомления и добавил, что Владимир Ильич очень интересуется правильной постановкой геодезического дела».

В январе 1919 г. была создана инициативная группа в составе М. Д. Бонч-Бруевича, проф. С. М. Соловьева, межевых инженеров В. А. Гайкина и М. И. Белова, которым В. И. Ленин поручил составить проект декрета об учреждении Государственной геодезической службы. Поскольку в нашей литературе имеются разноречивые сведения о том, когда подписан декрет В. И. Лениным и когда он был опубликован, то ниже фактическая сторона этих вопросов описывается по воспоминаниям М. Д. Бонч-Бруевича.

«Благодаря сочувствию со стороны В. И. Ленина и при посредничестве В. Д. Бонч-Бруевича вопрос решился очень быстро: инициативной группе было поручено составить проект декрета «Об учреждении Высшего геодезического управления при Научно-техническом Управлении Высшего Совета народного хозяйства». Проект был быстро разработан и согласован с председателем Коллегии НТУ ВСНХ Н. П. Горбуновым. После этого проект декрета был передан В. И. Ленину через В. Д. Бонч-Бруевича.

На заседании Совнаркома 19 марта 1919 г. проект декрета был рассмотрен и утвержден.

23 марта 1919 г. декрет «Об учреждении Высшего Геодезического Управления» был опубликован в газете «Известия» № 6 (615).

Между прочим М. Д. Бонч-Бруевич нигде точно не указывает, когда декрет был подписан В. И. Лениным.

Однако две даты абсолютно строго установлены, а именно: 19 марта 1919 г. Совет Народных Комиссаров утвердил декрет, текст которого был опубликован в печати 23 марта 1919 г.

Когда же подписал В. И. Ленин этот декрет и когда был передан ему текст, пока неизвестно. Видимо, подписание или одобрение проекта декрета В. И. Лениным состоялось до 19 марта. Кстати, отметим, что именно Владимир Ильич предложил название «Высшее Геодезическое Управление» (в проекте декрета М. Д. Бонч-Бруевича фигурировало название «Геодезический центр»).

Таким образом, создание Государственной геодезической службы оказалось по силам только молодой Советской власти в самый тяжелый период гражданской войны и хозяйственной разрухи. Первые слова декрета В. И. Ленина: «Изучение территории страны в топографическом отношении в целях поднятия и развития производительных сил страны» и теперь составляют содержание главной научно-технической задачи Государственной геодезической службы СССР, у истоков которой стоял В. И. Ленин. Этот исторический факт является гордостью советской геодезии и геодезистов СССР.

#### Литература

1. Багратуни Г. В., Красовский Ф. Н. М.: Геодезиздат, 1959.
2. Каверский Э. А. О необходимости образования геодезического органа для надлежащего изучения всего пространства Российской империи в географическом отношении.— Изв. Русского геогр. о-ва, 1880, т. XX, вып. 1.
3. Архив АН СССР, ф. 703, оп. 1, д. 58.
4. Тилло А. А. О возможно высшем развитии геодезического дела в России.— Изв. Русского геогр. о-ва, 1893, т. XXIV, вып. 1—6.
5. Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М.: Воениздат, 1964.

## ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

### В. И. ТИЩЕНКО

Исследование истории энциклопедического творчества имеет определенные традиции. Так, еще Ф. Энгельс в одной из своих ранних работ утверждал, что «идея энциклопедии» являлась существенной чертой научного познания в восемнадцатом веке [см. 1, с. 589]. При этом он не касался отдельных энциклопедических сводов и, в частности, энциклопедических словарей, получивших большое развитие в это время. Они, по его мнению, являлись в сущности лишь одним из проявлений и результатов того движения, которое исторически предстает как «энциклопедическое резюмирование» знания. Рассмотрев с таких позиций «идею энциклопедии», Ф. Энгельс не только показал исторический характер энциклопедического творчества, но и поставил проблему анализа энциклопедии как особой формы систематизации и обобщения накопленных человечеством знаний, отражающей основные этапы эволюции мировоззрения. Между тем, в дальнейшем эта проблема не получила аргументированного решения. С целью доказательства указанного положения в настоящей статье предпринята попытка на примере важнейших западноевропейских энциклопедических трудов проследить взаимосвязь развития энциклопедического творчества с господствующей в ту или иную эпоху идеологией, типом мироощущения и другими социально-мировоззренческими аспектами общественного сознания.

#### 1.

Истоки энциклопедического творчества восходят к памятникам письменности Древнего Египта и Востока. К их числу принадлежат, в первую очередь, систематические списки или перечни лексикографического характера, как общего, так и специаль-

ного назначения (медицинские, астрономические и т. д.). Древнейшим из них является Рамессейский ономастикон, относимый ко второй четверти II тысячелетия до н. э. Он содержит 323 названия растений, видов масел, птиц, рыб, зверей, печений или сортов хлеба, видов зерна, частей тела, а также перечень крепостей и городов [см. 2]. Не менее древним считается список, открытый В. С. Голенищевым и называемый по имени составителя «энциклопедией» Амен-ем-опе сына Амен-ем-опе [см. 3]. Его создание относится, по мнению исследователей, к периоду Нового царства, скорее всего ко времени правления Рамзеса XII (1112—1070 гг. до н. э.). Являясь одним из самых значительных списков, он содержит описания небесных явлений и созвездий, названия вод и водоемов, видов почв, человека в многообразии его социальных и этнических обликов и т. д. Широко известен также знаменитый папирус Эберса (описанный немецким египтологом Г. Граповым [см. 4] и содержащий перечень медицинских терминов).

Все эти перечни наименований носили, несомненно, справочный характер и помогали писцам в их повседневной работе подбирать соответствующий термин и его написание. И, тем не менее, уже в этой форме, отражающей прежде всего процесс становления и развития письменности, видна первоначальная работа мысли по делению понятий на группы, их первоначальная классификация. При ознакомлении с содержанием этих списков и их построением мы видим, что в основе расположения терминов лежат не формальные законы построения языка, но принципы, вытекающие из всей системы господствовавшей в ту эпоху формы мышления — мифологической, культовой идеологии. Это проявляется прежде всего в том, что предметы реального мира, их характеристики и взаимосвязи представлены в древнеегипетских и древневосточных текстах не сами по себе, а лишь путем соотнесения их с магическими, ритуальными действиями. Мифологическое мышление не только организует всю систему практического и теоретического отношения человека к окружающему его миру реальности, но и находит естественное выражение в форме первичной систематизации всевозможных перечней и списков. Осознать, а значит и описать эти термины можно было лишь в той или иной форме заклинания. Вот почему во всех упомянутых списках органически соседствуют космогонические понятия и термины с молитвенными формулами, а затем и названиями различных реальных предметов, «непосредственное созерцание» которых определяется ритуальным действием.

Таким образом, энциклопедичность содержания текстов и порядка расположения терминов в списочной литературе Древнего Востока и Египта определяется всей предшествующей мифологически трактуемой историей мира. А сами эти списки оказываются не только лексикографическими справочниками, но одновременно и руководством к познанию, своеобразным учебником. Так об этом и говорится в заголовке списка Амен-ем-опе: «Этим начинается учебник, делающий умным и обучающий невежду, для того, чтобы знать все существующее, созданное Птахом и написанное... Тотом, небо с его звездною системой, землю и то, что в ней, извергаемое горами, орошаемое водами, все, на что светит солнце и все, чему дано произрастать на земле...» [5, с. 6].

Традиции ассирийско-вавилонской и древнеегипетской культур в определенной мере были продолжены в западноевропейской культуре и, в первую очередь, культуре античности. Однако энциклопедические труды как форма упорядочения накопленных знаний, не получили в эту эпоху широкого развития. Лишь в период Римской республики (конец III — начало I в. до н. э.) глубокие социально-экономические сдвиги, сопутствующие превращению Рима в великую средиземноморскую державу, оказали огромное влияние на идеологическую жизнь римского общества и породили определенную тенденцию к упорядочению и осмыслению древних обычаев и «нравов отцов». Пытаясь точно определить нравственные обязанности римского гражданина в условиях кризиса старой политической системы, писатели и политические деятели этой эпохи создают произведения, описывающие совокупность гражданских доблестей и обобщающие древнеримские бытовые и религиозные традиции. Важнейшими из дошедших до нашего времени подобных произведений и традиционно относимых исследователями к энциклопедическим являются письма, написанные римским консулом Марком Порцием Катонем (234—149 гг. до н. э.) своему сыну Марку Порцию Лициниану и труды римского ученого и писателя Марка Теренция Варрона (116—27 гг. до н. э.).

Дальнейшее развитие тенденции систематизации знаний, которые необходимы и обязательны для всякого, связано с деятельностью Плиния Старшего и его трудом «Естественная история» (77 г. н. э.). Этот капитальный труд состоит из 37 книг и 2495 глав и начинается с указателя использованных источников и плана изложения материала. Плиний Старший использовал в своем труде произведения свыше 500 авторов из разных стран и проявил поистине исключительный талант в систематизации. В труде содержится подробный обзор сведений, относящихся к «семи свободным искусствам», а также материалы, относящиеся к медицине, сельскому хозяйству, архитектуре. Тем не менее, вопреки установившимся традициям, вряд ли этот и подобные ему фундаментальные труды, созданные в Древнем Риме (например, «Искусства» Цельса), можно рассматривать в качестве энциклопедий. Это скорее всего лишь их предшественники, излагающие с определенной степенью систематичности и полноты знания, необходимые свободному римскому гражданину. Разделы этих сборников хотя и содержат в себе определенные энциклопедические элементы, отнюдь не отражают какую-либо структурность реального мира или его части и не описывают его элементы, что, безусловно, является важнейшей особенностью энциклопедического мышления.

Широкое развитие энциклопедическое творчество получает, начиная с раннего средневековья. Непрерывно цитируя христианскую классику, переписывая при этом нередко целые страницы текстов «отцов церкви», средневековый мыслитель считал высшим достоинством универсальную, поистине энциклопедическую эрудицию. Эта особенность средневекового мышления выразилась в составлении различного рода литературных компиляций, толковников, словников, синопсисов, которые претендовали «на охват всей мудрости эпохи». В числе таких сводов первым в Европе считают «Синопсис» Орибасия (326—423 гг. н. э.). В 70 томах этой своеобразной медицинской энциклопедии содержатся не только обширные выписки из сочинений выдающихся врачей древности, но и выводы, собственные обобщения практического опыта (в частности, работы по лечению минеральными водами, акушерству, детским болезням). Из более поздних сводов достойны упоминания «Шестнадцать книг по медицине» Аэция Амедийского (VI в.) и «Двенадцать книг о медицине» Александра Тралльского (VI в.).

Примерами раннесредневековых энциклопедических компиляций могут служить лексикон «Суда», «Библиотека» Фотия, епископа Константинопольского, и в особенности «Этимологии, или Начала» Исидора, епископа Севильского, — первый в Европе энциклопедический труд, в котором был использован алфавитный принцип построения.

Исходя из представлений о многозначности и символичности священных текстов, один из создателей основ христианской догматики епископ Исидор Севильский анализирует этимологию и смысловую эволюцию отдельных слов и предложений. Он использует сведения, почерпнутые из сочинений как языческих, так и христианских писателей и в первую очередь классического образца литературного аллегоризма «О бракосочетании Меркурия и Филологии» Марциана Капеллы (V в. н. э.). При этом этимологические исследования выводили автора за пределы толкования священных текстов в область энциклопедического теоретизирования. Явившись наиболее значительным памятником энциклопедического творчества раннего средневековья, «Этимологии, или Начала» Исидора Севильского оказали существенное влияние на содержание и структуру средневековых энциклопедических трудов.

Явная связь с сочинением Исидора Севильского прослеживается в написанном двумя столетиями позже обширном произведении настоятеля монастыря Рабана Мавра «В мире, или о природах вещей». Автор этого энциклопедического труда повторяет, а местами просто переписывает текст сочинения Исидора Севильского, ставя перед собой задачу передать современникам образ истины таким, каким он задан изначально. Однако оставаясь связанным в выборе предмета исследования (им почти всегда оказывался священный текст), средневековый мыслитель тем не менее обладал определенной теоретической свободой. Согласно средневековым представлениям, канонический текст всегда полон загадок и тайн, символичен. Сама многозначная природа классического текста побуждает к исследованию и размышлению, т. е. к творчеству. Поэтому Рабан Мавр не просто переписывает тексты Исидора Севильского и прочих своих предшественников, но по-новому распределяет материал в своем сочинении,

располагая его по ступенькам иерархической лестницы, соответствовавшей средневековому теологическому мировосприятию.

Как известно, общественная система сформировавшегося феодализма представляла собой многоступенчатую, иерархически организованную структуру («феодалную лестницу»). В связи с этим строго иерархическим было и мировосприятие средневекового человека. Мир представлялся в виде лестницы, на высшей ступени которой находился бог и ангелы, ниже — человек, еще ниже — прочие живые существа и уже затем — неодушевленные предметы. Именно таким образом расположил материал в своем энциклопедическом труде Рабан Мавр. Такое расположение материала настолько соответствовало общепринятой картине мира, что и нахождение нужных сведений не представляло особого труда для образованного читателя. Внутри отдельных разделов, там, где описывались частные вопросы, материал располагался в алфавитном порядке.

В период позднего средневековья компиляции уступают место логически упорядоченным трактатам, получившим название «Сумм» или «Зеркал», обобщавшим теоретические достижения эпохи в той или иной области знания. В этих энциклопедических трактатах авторы уже не следовали рабски за мыслями авторитетов церкви, а подчиняли изложение логике самого предмета. Это, правда, не означало, что они не прибегали к цитированию и толкованию священного писания и других канонических «божественных» текстов. По-прежнему схоластическая эрудиция преобладала над оригинальностью авторского труда. И все-таки теологические «Суммы» монахов-доминиканцев Альберта Великого и Фомы Аквинского, «Волшебное зеркало» Винсента из Бовэ, а также другие аналогичные им энциклопедические своды свидетельствуют, что этот период средневековья не был бесплоден для энциклопедического творчества.

## 2.

Зарождение новой, более прогрессивной буржуазной культуры было обусловлено развитием в недрах феодального общества капиталистических отношений. Ф. Энгельс в своем труде «Развитие социализма от утопии к науке» писал, что вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел гигантский рост науки. Возобновились занятия астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Буржуазии для создания промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы, и целью которой стало «разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов и предметов природы на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам...» [6, с. 20]. Но такой способ исследования обуславливал рассмотрение природы лишь как совокупности отдельных вещей, не связанных друг с другом. При этом целостная картина мира расчленилась на отдельные элементы, относимые «к ведомству» различных наук. Стремление преодолеть ограниченность естественнонаучного знания этой эпохи, собственно, и породило идею «энциклопедического резюмирования», о которой упомянуто в начале работы.

В то же время эта материалистическая по духу идея, под флагом которой совершалось идейное и научное движение в XVIII в., находилась, по мнению Ф. Энгельса, в тесной связи с социальной, — буржуазной по своей природе, — революцией, переживавшейся Англией в процессе аграрного и промышленного переворота. В ходе этой революции завершилось крушение феодализма и началась эпоха «...объединения, собирания человечества из состояния раздробленности и разъединения...» [1, с. 598], эпоха становления буржуазного общества. На смену местной и национальной замкнутости пришла всесторонняя связь и зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относилось как к производству, так и к науке и культуре. Системность и упорядоченность мира в научном познании нашли отражение в идее взаимосвязанности наук. Важнейшей теоретической проблемой поэтому стала проблема упорядочения множества данных и установление причинной связи между ними. Однако существенной особенностью метафизического естествознания, господствовавшего в эту эпоху, было познание обособленных процессов и явлений. В силу этого и обобщение человеческого знания в рамках метафизического естествознания возможно лишь в форме каталогизации изучаемых явлений. Целостность и системность предшествующих эпох сменились

систематизацией. Отсюда закономерно коренное изменение содержания и характера изложения материала в энциклопедиях. Выступая в качестве некоторой всеобщей формы фиксации и систематизации знания о мире, энциклопедии этой эпохи могли обобщать это знание, лишь представив его в виде алфавитного набора терминов, обозначающих вещи, тела и явления, которые в своей совокупности оказывались объектом познания — реальным миром. Поэтому тематический принцип изложения материала, характерный для теологического восприятия мира средневековья, окончательно заменяется алфавитным, каталогизированным перечислением тел и явлений, достойных упоминания в энциклопедии.

Идеалом знания становится инвентаризационная ведомость всеобщей номенклатуры терминов, охватывающая весь реальный мир. Каждому термину этой номенклатуры соответствует описание конкретного предмета. Так, например, Дж. Харрис в «Универсальном английском словаре искусств и наук, объясняющем не только термины, но и сами искусства» (1704), вместо того, чтобы термином «двигатель» обозначить некую абстрактную машину, приводящую в действие другие машины, дает подробное описание и изображение двух машин, использовавшихся в то время. Любое иное построение энциклопедических дефиниций противоречило бы представлениям о зеркальном отражении в знании реального мира, которые господствовали в метафизическом естествознании того времени.

«Универсальный английский словарь искусств и наук» Дж. Харриса является своеобразным откликом энциклопедической литературы на промышленный переворот в Англии. Автор этого первого технического энциклопедического словаря уделяет основное внимание практическим и научным темам. Вдохновленный «Словарем» Дж. Харриса, за составление обширного труда берется Э. Чемберс. Его «Циклопедия, или Универсальный словарь искусств и наук, содержащий объяснения терминов и отчет о вещах, относящихся к различным искусствам, свободным и механическим, и наукам, человеческим и божественным, составленный из лучших авторов», в двух томах была опубликована в Лондоне в 1728 г. Примечательно деление знаний, которое дает Э. Чемберс в своей детально разработанной «карте знаний»: естественные и научные знания он относит к «наукам», а «искусственные и технические» — к «искусствам». Стремясь преодолеть разобщенность материала, помещаемого в отдельных статьях «Циклопедии», Чемберс разрабатывает и использует в своем словаре систему ссылок. Это нововведение явилось существенным вкладом в развитие энциклопедического творчества. Не случайно многие исследователи считают Э. Чемберса «отцом» энциклопедии современного типа.

### 3.

В истории западноевропейского энциклопедического творчества особое место занимает «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» Д. Дидро и д'Аламбера (1751—1780). Уже в заголовке проспекта издания Д. Дидро указывает на логическую преемственную связь своей «Энциклопедии» со словарями Харриса и Чемберса. Однако по содержанию и направленности французская энциклопедия существенно отличается от «Циклопедии» Чемберса. В проспекте Д. Дидро писал, что цель его энциклопедии — объединить знания и изложить их в общей системе и для современников, и для будущих поколений. В качестве основы такого объединения знаний французские энциклопедисты избрали систему классификации наук, предложенную Ф. Бэконом, которого марксизм считает родоначальником английского материализма и экспериментирующей науки Нового времени [см. 7, с. 142]. Во вступительной статье к первому тому французской энциклопедии д'Аламбер дает таблицу «Система человеческих знаний», на основе которой осуществлялось планирование материала. Следуя духу естествознания того времени и стремясь к расчленению в научном мышлении познаваемого мира, Д. Дидро предлагает авторам энциклопедических статей рассматривать описываемые предметы и явления в качестве элементов целого.

Участие в создании энциклопедии выдающихся писателей, ученых, философов и специалистов обеспечило ее успех. В числе сотрудников «Энциклопедии», список которых насчитывает 160 имен, патриархи просветительского движения Монтескье и Вольтер, проповедники социального равенства Руссо и Мабли, великие материалисты и атеисты Гольбах и Гельвеций, свободомыслящие философы Кондильяк, Рейналь и

Морелли, экономисты Тюрго, Неккер, писатели Дюкло, Марлонтель, Лагарп, Сен-Лямбер, естествоиспытатели Бюффон, Деруа, Добанто, а также многие виднейшие французские инженеры, моряки, специалисты по военному делу, врачи. Эта энциклопедия стала не только крупнейшим достижением в области энциклопедического творчества, но и глашатаем антифеодалных идей, органом просветителей, борющихся со старыми представлениями и католической церковью. Любопытно, что «Энциклопедия» Д. Дидро до сих пор не исключена Ватиканом из списка запрещенных книг. Историческое значение «Энциклопедии» ярко охарактеризовал Ф. Энгельс. «Французские материалисты, — писал он, — отнюдь не ограничивались в своей критике области религии: они критиковали каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени. Чтобы доказать всеобщую применимость своей теории, они избрали кратчайший путь: они смело применили ее ко всем объектам знания, в том гигантском труде, от которого они получили свое имя, в «Энциклопедии». Таким образом, в той или иной форме, — как открытый материализм или как деизм, — материализм стал мировоззрением всей образованной молодежи во Франции» [8, с. 311]. Политическая роль «Энциклопедии» чрезвычайно велика, она идеологически подготовила буржуазную революцию, разразившуюся во Франции в конце XVIII в.

Энциклопедия Дидро оказала большое влияние на развитие энциклопедического дела в Европе. Так, интерес, вызванный в Англии публикацией первого тома энциклопедии Дидро, стимулировал активность лондонских издателей. Ими предпринимались многократные попытки ее перевода, издание антологий отдельных статей энциклопедии, а также ее краткого изложения. Как отмечает Коллизон, создатели всех словарей и энциклопедий, изданных в Англии за период с 1751 по 1800 гг. очень широко использовали материалы энциклопедии Дидро [см. 9]. Естественным завершением этого явилось издание трехтомной Британской энциклопедии (Эдинбург, 1768—1771). В этой энциклопедии преобладали развернутые статьи-обзоры, перемежающиеся различными справками и статьями, относящимися к основной теме и расположенными в алфавитном порядке. Последующие издания «Британики» (исключая последнее — о нем мы скажем позднее) в целом сохраняли такую же структуру, совершенствовалось лишь изложение материала и аппарат индексации.

#### 4.

Бурное развитие науки в XIX и особенно в XX вв. потребовало от создателей энциклопедий значительного увеличения их объема за счет включения в издания все большего числа новых терминов-статей. Появляется большое количество фундаментальных многотомных энциклопедий, наиболее крупной из которых стала незавершенная (вышло 167 томов) «Общая энциклопедия естествознания и искусства» (Лейпциг, 1818—1889). Вместе с тем уже к концу XIX в. издатели начали убеждаться в том, что объем энциклопедии не может увеличиваться беспредельно. Появилась тенденция к созданию энциклопедий словарного типа, состоящих из большого числа мелких статей. Эта тенденция, наиболее ярко выявившаяся в энциклопедических изданиях Брокгауза, была продиктована стремлением достичь полноты алфавитно-каталогизированного списка вещей, явлений и событий. Статьи таких энциклопедий содержали лишь основные сведения об описываемом объекте, как правило, строились по одному плану, обладали высокой справочной ценностью и были удобны для широкого круга читателей, обращавшихся к энциклопедии для получения общего представления о каком-либо конкретном предмете, явлении или событии. Однако в целом подобные издания не выполняли основной функции энциклопедии — систематизации и обобщения накопленных знаний; исчезала проблемность в подаче материала, обилие мелких монотематических статей приводило к «разорванности» многих тематических циклов. Кроме того, такой тип энциклопедических изданий противоречил интересам специалистов, потребность которых в справочно-энциклопедической литературе увеличивалась пропорционально развитию различных отраслей знаний, дифференциации науки и связанному с этим бурному росту информации.

В связи с этим начиная со второй четверти XX в. возникают два новых направления в энциклопедическом творчестве.

*Первое* выражало стремление возродить всеобъемлющий характер универсальной энциклопедии, создать «энциклопедию идей и проблем» на основе возврата к тематиче-

скому принципу построения или усовершенствования алфавитного. Появились проекты «Французской энциклопедии» Л. Февра, «Интернациональной энциклопедии» О. Нейрата, «Живой энциклопедии» Р. Смита и др. Однако попытки восстановить единство системы знаний в энциклопедиях, построенных на основе весьма сложных классификационных систем, не получили поддержки. Примеры «французской» и «интернациональной» энциклопедий показали, что такие издания утрачивают справочность и, следовательно, неудобны для большинства читателей. Попытки усовершенствования алфавитного построения привели к созданию алфавитно-тематического типа систематизации материала, который в настоящее время широко используется при издании универсальных и отраслевых энциклопедий. Суть его состоит в сочетании относительно кратких справочных и крупных обзорных статей, обобщающих материалы отдельных проблемных и дисциплинарных тематических циклов, при сохранении строго алфавитного расположения материала.

*Второе* направление выражает тенденцию к специализации энциклопедических изданий и связанное с ней ограничение проблематики каждой отдельной энциклопедии. В XX в. не только растет количество отраслевых энциклопедий, но и появляются энциклопедические издания по отдельным разделам крупных отраслей знаний. В медицинском энциклопедическом творчестве эта тенденция получила особое развитие: появились медицинские энциклопедии, как адресованные определенному контингенту медицинских работников (главным образом, практикующему врачу), так и предназначенные для представителей отдельных медицинских специальностей.

О продолжающихся поисках целостных форм энциклопедической систематизации и обобщений знаний свидетельствует и последнее издание энциклопедии «Британика». «Новая Британика» (20 томов, 1974) состоит из трех разделов: первый — однотомная «Пропедия» — построен по обзорно-проблемному принципу и имеет 13 частей: «Земля», «Вещество и энергия», «Человеческая жизнь», «Человеческое общество», «Жизнь на земле», «Искусство», «Технология», «Религия», «История человечества», «Отрасли знания» (медицина дана в третьем разделе «Наука») и др. Второй раздел — «Микропедия», — включает 10 томов, каждый из которых открывается инструкцией, как пользоваться данным томом. Там же указывается, что «Микропедия» служит для того, чтобы быстро получить нужную справку в статьях «Новой Британики». В «Микропедии» нет библиографии, но имеются, наряду с перекрестными ссылками, направленные ссылки на более полные статьи, снабженные библиографией и помещенные в третьем разделе — «Макропедии». В этом разделе статьи даны в алфавитном порядке и снабжены вынесенными на поля рубриками. Анализ этого издания показывает, что «Новая Британика» представляет собой своеобразный синтез трех типов изданий: популярной энциклопедии («Пропедия»), словаря («Микропедия») и общей энциклопедии («Макропедия»). Ее логика полностью отражает господствующее в западноевропейском энциклопедическом творчестве и ранее охарактеризованное нами представление о возможности выразить реальный мир в виде совокупности элементов, расположенных в алфавитном порядке. В соответствии с этим любое явление, любой объект может быть безболезненно разъят, расчленен, на составляющие части. И также безболезненно из этих частей, элементов можно воспроизвести, синтезировать объект исследования, «целое». Эта фиксация законченности, односторонности и приводит к тому, что объект фактически лишается своей истории: перед нами только результат процесса. Немудрено, что идеалом энциклопедии, не устаревающим при таком подходе, оказывается серия хорошо систематизированных и аннотированных библиографий, указывающих путь к уже существующей информации.

Приведенные в статье результаты анализа принципиальных закономерностей развития западноевропейского энциклопедического творчества подтверждают несомненную его взаимосвязь с изменениями социально-экономической структуры общества, эволюцией его мировоззрения. Здесь, конечно, не может быть и речи о непосредственной, механической причинной связи. Эта зависимость весьма сложна и многообразна и в настоящем исследовании может быть только постулирована. Тем не менее мы попытались вскрыть и хотя бы частично описать определенные исторически обусловленные всем ходом социального развития формы энциклопедического творчества. В целом анализ этой проблемы — задача будущих исследований, а настоящую статью следует рассматривать как введение в эти исследования.

## Литература

1. *Энгельс Ф.* Положение Англии — в кн.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., изд-е 2-е, т. I.
2. *Коростовцев М. А.* Писцы древнего Египта. М., 1962.
3. *Golenischeff W.* Zeitschrift für ägyptische Sprache, XL, SS. 102, 105.
4. *Грапов Н.* Grundriss. der Medizin der alten Aegypten. Berlin, 1955.
5. *Перепелкин Ю. Я.* К вопросу о возникновении энциклопедии на Древнем Востоке.— В кн.: Труды института книги, документы и письма, 1932, вып. II.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство, или критика критической критики.— в кн.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., изд-е 2-е, т. 2.
8. *Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» — в кн.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., изд-е 2-е, т. 22.
9. *Collison R.* Encyclopaedias: their history throughout the ages. N. Y.— L., 1964.
10. *Smith R. A.* Towards a living encyclopaedia. A contribution to Mr. Well's new encyclopaedia. L., 1948.

## ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

### А. И. КОЗЫРЕВ

Для переходного периода от капитализма к социализму в Советском государстве характерен процесс установления и развития новых рациональных взаимоотношений между обществом и природой. Некоторые стороны истории становления этих взаимоотношений получили освещение в исследованиях советских ученых. Однако в целом ранний этап взаимодействия социалистического общества с природой нельзя отнести к числу разработанных проблем. К тому же в материалах Центрального государственного архива РСФСР автором найдены свидетельства, позволяющие по-новому осветить некоторые моменты истории социалистического природопользования.

Первые декреты Советской власти, прежде всего Декрет о земле, покончили с господством капитала над земельными и водными ресурсами, недрами, лесами. Обобществление важнейших средств производства и обращение во всенародное достояние таких природных богатств, как земельные, водные и лесные, стало экономической основой социалистического природопользования. Общественная собственность на эти виды природных богатств была закреплена первой Конституцией РСФСР, принятой 10 июля 1918 г.

С началом осуществления социалистических преобразований в тяжелейших для страны условиях гражданской войны и хозяйственной разрухи Советское правительство принимает целый ряд декретов и постановлений, регулирующих ведение лесного и охотничьего хозяйства, рыболовства, землеустройства и ирригации. Этими актами определялись законодательные основы социалистического природопользования, детализировались применительно к конкретным элементам окружающей среды его важнейшие положения.

Так, декретом Совнаркома от 27 мая 1919 г. «О сроках охоты и о праве на охотничье оружие» повсеместно запрещалась охота до 1 августа 1919 г., а также собиране птичьих яиц. Допускалась только охота с научной целью по особым разрешениям Наркомзема. Наркомату земледелия и Научно-техническому отделу ВСНХ поручалось выработать правила о сроках охоты, ее способах, об установлении заповедных мест и т. д. и представить их на утверждение СНК. Кроме того, была запрещена всякая торговля свежеебитой дичью до 1 августа 1919 г. и была установлена строгая ответственность за нарушение этих правил [1].

В связи с обострением в период гражданской войны топливного кризиса В. И. Ленин особо выделял задачу использования непервоклассных сортов топлива, в том числе дров. Порядок их заготовки определялся декретом СНК от 14 августа 1919 г. В инструкции Совнаркома к этому декрету особо отмечалось, что рубке не подлежали парковые хозяйства, культурные и защитные насаждения, дачи учебно-научного харак-

тера, памятники природы и такие лесные участки, как Измайловский, Лосиноостровский, Серебряный Бор. В интересах лесовозобновления предписывалось оставлять при вырубке насаждений с господством лиственных пород хвойный подрост и всю примесь сосны, а в насаждениях с господством хвойных пород — сосновые семенники, не менее 60 штук на каждой десятина [2].

Тогда же было положено начало организации в нашей стране системы государственных заповедников. Хотя первые заповедники появились еще до Октябрьской революции, но их было крайне мало, и они в основном играли роль заказников для царской охоты либо частных заповедных парков (Аскания-Нова). Государственной сети заповедников не существовало. В советский период первый из них был учрежден по инициативе Астраханского университета, обратившегося в январе 1919 г. в Наркомпрос с ходатайством о создании заповедника в дельте Волги. В связи с этим Научным отделом Наркомпроса была образована Комиссия по устройству заповедников во главе с В. Т. Тер-Оганезовым. Уже в феврале были выделены средства на организацию Астраханского заповедника, а на месте образовалась междуведомственная комиссия по заведыванию этим заповедником из представителей Губернского отдела народного образования, Губернского земуправления, Волго-Каспийского управления рыболовства и Общества исследователей Астраханского края<sup>1</sup>.

В некоторых исследованиях встречаются сведения, будто инициатива в создании Астраханского заповедника принадлежит Астраханскому губисполкому (см. [3]). Однако, как свидетельствуют фонды ЦГА РСФСР, он был создан по предложению Астраханского университета. Это подтверждается найденным нами отношением университета в Научный отдел Наркомпроса от 12 января 1919 г. с приложением выписки из проекта его сметы на 1919 г. (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 19, д. 117, л. 1—2), а также выпиской из протокола заседания Комиссии по устройству заповедников, созданной Научным отделом Наркомпроса 25 января 1919 г.:

«Слушали:

1) Проект Астраханского университета об учреждении заповедников при университете в пределах Астраханской губ.

Постановили:

1) Проект Астраханского университета признать заслуживающим поддержки и скорейшего осуществления...» (там же, л. 14).

Протокол заседания членов Коллегии научной секции Наркомпроса от 1 февраля 1919 г.:

«Слушали: д) Ходатайство Астраханского университета об ассигновании средств на организацию заповедника в Астраханской губернии.

Постановили:

Общее направляющее руководство организацией заповедника в Астраханской губернии поручить Научному отделу, открыв для этой цели кредиты по соответствующим параграфам» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 19, д. 106, л. 2).

И только 11 апреля 1919 г. Астраханский губисполком принял уже по сути формальное решение, определявшее границы заповедника. 15 апреля 1919 г. Коллегия научной секции Народного комиссариата по просвещению РСФСР принимает решение ассигновать 200 тыс. руб. на работы по созданию Астраханского государственного заповедника (ф. 2306, оп. 19, д. 106, л. 57). В качестве его первоочередного назначения выделялись восстановление на территории заповедника (первоначально три участка общей площадью 200 кв. верст) девственной природы дельты Волги как объекта для постоянного научного изучения в особенно благоприятных условиях для такой деятельности, а также сохранение памятников природы, которым вне пределов заповедника угрожала бы неминуемая гибель (ф. 358, оп. 2, д. 2, л. 1). Под охрану были, таким образом, взяты места гнездования ценных птиц, перелетные птичьи станции, рыбные нерестилища и т. п.

В том же 1919 г. на Украине была объявлена народным заповедным парком Аскания-Нова, а в 1920 г. был образован Ильменский минералогический заповедник на Урале.

<sup>1</sup> Центральный государственный архив РСФСР (ЦГА РСФСР), ф. 358, оп. 2, д. 2, л. 28. В дальнейшем в тексте указываются номер фонда, описи, единица хранения и порядковый номер листа.